

А. Г. Готовцева

«РУССКИЙ КНЯЗЬ» ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМ ДВОРЕ: ПЕТР ДОЛГОРУКОВ И АЛЕКСАНДР I

УДК 94(470) «18»

ББК 63.3(2)521.1

В статье рассматриваются основные вехи биографии генерал-адъютанта Петра Петровича Долгорукова (младшего): обстоятельства, сформировавшие его личность в ранней юности, его дипломатическая деятельность, в том числе встреча с Наполеоном в 1805 г., за которой последовало Аустерлицкое сражение, его место и роль при дворе Александра I. Основное внимание уделяется неприязненным взаимоотношениям Долгорукова с ближайшими друзьями императора, членами Негласного комитета, главным образом с князем Адамом Чарторижским. Подробно восстанавливается созданная молодым императором система придворных отношений в первые пять лет его царствования. Система эта была основана на сталкивании взглядов членов ближайшего окружения, создании придворных партий, главами которых в указанный период были Долгоруков и Чарторижский.

Ключевые слова: *П. П. Долгоруков, А. А. Чарторижский, П. А. Строганов, придворные Александра I, «вечный мир», Аустерлицкое сражение, Наполеон, Россия в эпоху коалиций*

В XVIII — начале XIX в. «руководящая роль в правительстве... принадлежала массе избранных и случайных людей <...> блеснув ярким метеором среди своих современников, они обыкновенно исчезали в их памяти с той же быстротой, с какой совершалось их возвышение», — утверждал великий князь Николай Михайлович.¹ В числе таких «метеоров» «дней Александровых прекрасного начала» был и князь Петр Петрович Долгоруков (младший; 1777–1806).²

Известен он прежде всего поездкой к Наполеону в ноябре 1805 г. Последствием этого, по мнению многих современников, стал разгром русско-австрийских войск при Аустерлице. Долгоруков держался с французским императором высокомерно, а по возвращении в Главную квартиру представил дело так, будто Наполеон испугался силы русской армии (надо отдать должное хитрости и актерским способностям самого Наполеона). Последовало решение союзников атаковать французские

войска, что привело к катастрофическому поражению. Подобные суждения можно найти в переписке и мемуарах той поры.³ Долгоруков был вынужден оправдываться перед общественным мнением, для чего выпустил в ответ на заметки австрийских газет две специальные брошюры.⁴ «Единогласно утверждают очевидцы, — резюмировал А. И. Михайловский-Данилевский, — что привезенные князем Долгоруковым известия о французской армии, и даже, по уверению его, нетвердом духе самого Наполеона, были для союзников одною из причин, побудивших атаковать без отлагательства».⁵

Но личность Долгорукова, его роль при дворе Александра I, отношения с ближайшим окружением императора и с самим монархом были гораздо сложнее и не ограничивались его репутацией недалекого и самоуверенного придворного, не сумевшего разгадать провокационный замысел гениального Наполеона. «Писателям историй непременно надобно было найти одного какого-нибудь человека и сложить на него вину Аустерлица. Под руку попался им генерал-адъютант императора Александра князь Петр Петрович Долгорукий, который перед сражением был отправлен

¹ Николай Михайлович, вел. кн. Князя Долгорукие, сподвижники императора Александра I в первые годы его царствования. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1902. С. [I].

² Написание фамилии не унифицировано, в источниках встречаются обе формы — «Долгоруков» и «Долгорукий». Ср.: Николай Михайлович, вел. кн. Князя Долгорукие... С. 7 и Долгоруков П. В. Сказание о роде князей Долгоруковых. СПб., 1840. С. XIX.

³ См.: Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. С. 18 (мнение Баварского поверенного Ольри); С. 22 (мнение Ж. де Местра); С. 41 (мнение Ф. Г. Головкина).

⁴ См. об этом: Там же. С. 16–31.

⁵ Михайловский-Данилевский А. И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805-м году. СПб., 1844. С. 165.

к Наполеону для переговоров»,⁶ — заметил С. М. Соловьев.

Долгоруков был представителем знаменитого боярского рода. Семейные предания хранили память и о Григории Борисовиче Долгорукове-Роцце, защищавшем Троице-Сергиеву лавру от войск Лжедмитрия II, и о Якове Федоровиче, «лучшем украшении рода Долгоруковых и чести своей отчизны»,⁷ который, по словам Пушкина, был «отличен от вольного стрельца» в глазах Петра Великого, и, конечно, о трагических событиях эпохи дворцовых переворотов XVIII в., на фоне которых разыгрывались жизненные драмы Долгоруковых-верховников. Осознание своего древнего достоинства было присуще всем представителям старых родов, и Петр Долгоруков не был исключением.

Вскоре после рождения он был записан в гвардию, в Измайловский полк, затем числился в Московском гренадерском полку, где получил чин капитана. После нескольких лет адъютантства у своего двоюродного дяди Юрия Владимировича Долгорукова князь Петр поступил на службу в расквартированный в Москве полк Архарова 2-го и вскоре стал полковником. Что заставило молодого человека после службы в гвардии, а затем при прославленном военачальнике перевестись в гарнизонный полк? Возможно, причиной послужила судьба самого Юрия Владимировича, полная взлетов и падений вследствие придворных интриг,⁸ а значит, чреватая неприятностями и для адъютанта.

Служба в одном из двух «архаровских» полков не могла не оставить отпечатка на характере будущего генерал-адъютанта, поскольку сами эти полки и их шефы, братья Николай и Иван Петровичи Архаровы, были весьма колоритным явлением. Старший, Николай, будучи московским обер-полицмейстером, создал систему полицейского сыска.⁹ В царствование Павла I он был назначен Санкт-петербургским военным губернатором, а из войск столичного гарнизона был составлен полк «армейский, по общему о таковых

полках положению» (полк Архарова 1-го). Младший брат, Иван, по протекции старшего был назначен московским губернатором. Для него также был сформирован полк, но не строевой, а гарнизонный (полк Архарова 2-го). Полки были созданы почти одновременно, с разницей в три дня. Тогда же появилось меткое словечко «архаровцы», обозначававшее ловких и решительных людей, способных на самые отчаянные поступки, — возможно, сыщиков Архарова 1-го, а возможно, солдат и офицеров архаровских полков, сказать трудно.¹⁰

Однако служба в гарнизонном полку не могла вполне удовлетворить амбиции молодого князя. Он безуспешно обращался к императору Павлу I с просьбами о переводе в действительную службу. И только вмешательство наследника, великого князя Александра Павловича, исправило ситуацию: Долгоруков был назначен комендантом Смоленска. Через три месяца новый комендант отправил в Санкт-Петербург донесение о преданности смоленского дворянства престолу и был пожалован Павлом I в генерал-адъютанты. После восшествия на престол Александра I Долгоруков сохранил видную роль при дворе.

Близкие друзья, из которых молодой царь создал свой Негласный комитет (Павел Строганов, Адам Чарторижский, Виктор Кочубей и Николай Новосильцов), были той силой, о которой говорят в первую очередь, когда обсуждают начало правления Александра I. Это были европейски образованные молодые люди, подолгу жившие в Европе и размышлявшие о судьбах России именно в европейском контексте. В этом отношении особенно выделялся князь Чарторижский, польский магнат, мечтавший о восстановлении Польши путем отвоевания ее земель у Пруссии. По воле императора он возглавил Министерство иностранных дел России — сначала в должности товарища министра (им был екатерининский вельможа А. Р. Воронцов), а затем и министра.

Великий князь Николай Михайлович от мечал с осуждением, что намерение Чарто-

⁶ Соловьев С. М. Александр I. Политика. Дипломатия. СПб., 1877. С. 92.

⁷ Долгоруков П. В. Указ. соч. С. 45.

⁸ См.: Русский биографический словарь: [в 32 т.]. СПб., 1897. Т. 8: (Дабелов—Дядьковский) / под ред. А. А. Половцова. С. 272.

⁹ См.: Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей русской земли: в 5 ч. М., 1836. Ч. 1. С. 71–73.

¹⁰ См.: Лавров А. Н. Краткое описание боевой жизни и деятельности 77-го пехотного Тенгинского Его Императорского Высочества Великого Князя Алексея Александровича полка. 1700–1900. Тифлис, 1900. С. 12; Военная энциклопедия: [в 18 т.]. СПб., 1911. Т. 5. С. 31; Муравьев В. Б. Московские слова и словечки. М., 1997. С. 104–108.

рижского «à ne rien faire qui pût exercer une fâcheuse influence sur les destinées futures de ma patrie»¹¹ было хотя и «благородно с точки зрения человеческой, патриотично для поляка и его родины, но цинично и даже преступно для руководителя русских интересов».¹² В глазах товарищей по Негласному комитету, никакого преступления в позиции князя Адама не было. Воспитанник аббата Шипионе Пьяттоли, одного из апологетов идеи «вечного мира», бытовавшей в европейской культуре уже более века,¹³ Чарторижский строил внешнюю политику в соответствии со своими планами переустройства Европы и создания коалиции против Наполеона. Ведущая роль в таком переустройстве отводилась России и Англии. В результате преобразований должна была быть восстановлена Польша и иные «угнетенные» европейские государства.¹⁴ Идеи эти, по большей части теоретические, учитывались при составлении внешнеполитических документов на начальном этапе создания антинаполеоновской коалиции.¹⁵ Обвинения в пренебрежении интересами России звучали в адрес нового министра со всех сторон, однако сам князь заявлял: «Я не слышал в обступившем меня кругу тех, кто был расположен ко мне, я не слышал яростных криков, раздававшихся при одном лишь предположении, что управление внешними сношениями будет предоставлено мне». Отвечая на обвинения, Чарторижский в мемуарах писал: «Как бы то ни было, помещенный судьбой во главе дел России, я оказался в положении солдата, брошенного дружбой и случаем в чужие ряды, сражался с рвением из чувства чести и ради того, чтобы не оставить своего товарища, друга, господина. Александр, осмелюсь сказать, был для меня в то время всем перечисленным. Его безграничное доверие обя-

зывало меня верно служить ему всеми силами и внушило мне желание приводить в самое блестящее состояние дела его, пока они были мне поручены. Я твердо верил, впрочем, что для меня возможно будет примирить русское стремление с благородными идеями, заставив служить ненасытную жажду русских к славе и первенству благу человечества. Это была великая, но удаленная цель, к которой надо было идти с настойчивостью и упорством. Это был обширный план, который надо было продумать и исполнить с терпеливостью и ловкостью. Я полагал, что там было все, чтобы удовлетворить национальную гордость русских. Я желал, чтобы Александр стал, в некотором роде арбитром мира для всего цивилизованного человечества; чтобы он был заступником слабых и угнетенных, хранителем справедливости между народами; чтобы его царствование, наконец, начало бы новую эру в европейской политике, политике, отныне основанной на общем благе и праве каждого. Эта мысль, однажды пришедшая мне в голову, не оставляла меня более. <...> Я составил в результате этого политический план, который разослал всем посланникам при иностранных дворах. Документ этот, долженствующий служить введением в новую систему, предписывал поведение, исполненное умеренности, справедливости, честности и беспристрастного достоинства».¹⁶

Это была та самая утопическая космополитическая мечта, лежащая в основе всех концепций «вечного мира», на фоне которой национальные интересы кажутся неважными, а рассмотрение их вне всеобщего контекста — плоским и неправильным. Именно поэтому Чарторижский, с обычной заботливостью мемуариста оттачивавший собственный положительный образ, не считал зазорным признаться в том, что идея восстановления Польши, хотя и скрыто, имплицитно, составляла сам смысл его работы и обусловила направление, которое он хотел придать русской политике.¹⁷ Все замыслы нового министра, к неудовольствию некоторых современников,¹⁸ должны

¹¹ Не делать ничего, что могло бы оказать неблагоприятное влияние на будущие судьбы моего отечества» (Czartoryski A. *Mémoires du prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'empereur Alexandre*: 2 vol. Paris, 1887. Т. 1. Р. 324).

¹² Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I: Опыт исторического исследования: в 2 т. СПб., 1912. Т. 1. С. 41, 42.

¹³ См. об этом подробнее: Алексеев М. П. Пушкин и проблема «вечного мира» // Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972. С. 160–207.

¹⁴ См. об этом подробнее: Берти Дж. *Итальянские государства в период Рисорджименто*. М., 1959. С. 217–227; Минаева Н. В. Миротворческие идеи внешнеполитического проекта Адама Чарторижского (1804–1807) // *Миротворчество в России: Церковь. Политики. Мыслители*. М., 2003. С. 139–140, 148.

¹⁵ См.: Соловьев С. М. Указ. соч. С. 65–66; Берти Дж. Указ. соч. С. 210–214; Минаева Н. В. Указ. соч. С. 146, 147, 152, 153.

¹⁶ По причине не вполне точного перевода, сделанного в издании: Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I: в 2 т. М., 1912–1913 здесь и далее перевод сверен с французским изданием: Czartoryski A. *Op. cit.* Р. 363, 370, 371.

¹⁷ См.: Czartoryski A. *Op. cit.* Р. 372.

¹⁸ Жозеф де Местр писал о том, что сомневается, «чтобы поляк, имевший притязание на корону, мог быть хорошим русским».

были удасться, все на это указывало. «Воронцов удалился в Москву. Чарторижский будет всемогущ», — едко замечал Жозеф де Местр.¹⁹

Но не таков был Александр I, чтобы поддерживать при своем дворе недовольство. В придворных построениях он придерживался совсем другой тактики: «Молодой государь... отлично разбирался между разными личностями и умел вовремя выдвинуть того или другого деятеля, оставаясь лично как бы в стороне и не оказывая наружного предпочтения любимцу данной минуты. Этот особый дар Александра Павловича сказался уже с первых же годов вступления его на престол и оставался ему присущим и в позднейшее время».²⁰ При этом он никогда не одаривал полным своим доверием какую-либо одну придворную партию. Приближая к себе людей различных, даже противоположных, взглядов и умело лавируя между ними, он поддерживал в тех и других надежду на высочайшее одобрение их планов и проектов. Сам же «северный сфинкс» предпочитал скрывать свои тайные замыслы, в реализации которых, однако, был достаточно настойчив. А. А. Кизеветтер замечал по этому поводу: «Привычка постоянно подходить к человеку с затаенной задней мыслью, постоянно расчетливо играть на слабых струнах чужой души развила в Александре недоверчивость и сухость сердца. Очаровывая всех и каждого обаятельным благоговением, он не любил и презирал людей».²¹

В преддверии наполеоновских войн, когда интерес императора Александра «значительно ослабел ко всем делам внутреннего управления» и его «мысли и помышления были отвлечены всецело делом внешним»,²² при дворе, конечно, были сторонники активных военных действий против «корсиканского выскочки». Именно на этих стремлениях части своего окружения он и построил оппозицию «молодым друзьям», которые, казалось, всецело владели его благосклонностью. Возникла «партия войны», призванная противостоять «партии всеобщего мира». Наполеон был уверен в том, что русская «партия войны» («ses

trente freluquets»²³) содержится английским правительством и что юный император находится под полным влиянием представителей этой партии.²⁴ Как заметил не симпатизировавший этим людям граф Александр Ланжерон, «их было не тридцать, но, к несчастью, их было слишком много. Впрочем, Наполеон нашел верное слово...»²⁵ Эту партию называли также «русской» по причине националистического, даже «ура-патриотического», образа мыслей ее членов. Кто же были эти люди?

После переворота 11 марта 1801 г. павловские придворные стали искать милости юного императора. Более всего преуспели, конечно, те, кто был близок к нему еще как к наследнику престола. Среди них и три генерал-адъютанта — князь Павел Гагарин, князь Петр Долгоруков и Христофор Ливен. Через неделю после восшествия на престол император пожаловал Федора Уварова званием генерал-адъютанта и в течение нескольких месяцев — Евграфа Комаровского, Иллариона Васильчикова и Петра Волконского. «Александр положил начало заседаниям так называемого Негласного комитета. <...> Но одновременно с этими занятиями... Александр находил время, прогуливаясь с генерал-адъютантами, слушать и их возражения. <...> Уваров, князь П. М. Волконский, граф Е. Комаровский и, особенно, князь П. П. Долгорукий служили этими отголосками мнений партии именитых дворян, не одобрявших реформаторской горячки, и, конечно, не пропускали случая осведомлять о том государя».²⁶ Петр Долгоруков с его энергией, амбициями и стремлением к деятельности возглавил эту партию.

«Европейцы» и «космополиты» под руководством князя Чарторижского внушали государю мысль о том, что восстановление Польши и некоторое изменение существующих границ обеспечат мир и защитят Европу от Наполеона. Война отнюдь не представлялась необходимой, особенно после аустерлицкой трагедии.

¹⁹ Meistre J. de. Memoires politiques et correspondance diplomatique. Paris, 1858. P. 101.

²⁰ Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. Т. 1. С. 26.

²¹ Кизеветтер А. А. Исторические силуэты. Ростов-на-Дону, 1997. С. 332.

²² Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. Т. 1. С. 35. 54.

²³ «Эти тридцать хлыщей» (фр.); фраза из 30-го, «аустерлицкого», бюллетеня Великой армии (12 фримера / 2 декабря 1805 г.).

²⁴ См.: Napoléon Ier. Oeuvres de Napoléon Bonaparte: 5 vol. Paris, 1821. Т. 3. P. 501.

²⁵ Цит. по: Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование: в 4 т. СПб., 1897. Т. 2. С. 284.

²⁶ Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. Т. 1. С. 22.

Ближайший друг Чарторижского, граф Строганов, в декабре 1805 г. по пути в Лондон захвативший в Берлин и наблюдавший там за дипломатическими действиями Долгорукова, писал с плохо скрываемой иронией князю Адаму: «Будьте уверены, синьор, что есть только одно средство уладить все это, и это средство, возможно, было бы расценено у нас как бесчестное и аморальное. Но простительное в хорошей компании, которая управляет Европой (имеются в виду мирные переговоры, которые вели с Францией союзные России державы — Австрия и Пруссия — А. Г.). Это было бы заключить внезапный союз с Бонапартом и вместе есть пирожные. Я нашел Пяттоли пропитанным этой идеей, но полагающим, так же как и я, что у нас на это не хватит мужества». Аббат Пяттоли в тот момент также находился в Берлине и составлял записку для Чарторижского (уже не первую), чтобы помочь князю Адаму оправдать свои действия на посту министра иностранных дел. «Дело не терпит, и в этом чувствуется для Вас необходимость, потому что я воображаю, что Вас разорвут, — продолжал Строганов, — по крайней мере, я об этом сужу со слов друга Долгорукова. Не произнося никогда Ваше имя, он не упускает возможность делать грязные намеки».²⁷

Долгоруков тем временем исполнял возложенные на него обязанности. Он должен был «изложить королю Прусскому всю истину об Аустерлицком сражении и обещать, если Пруссия решится воевать с Наполеоном или будет им принуждена к войне, поддерживать ее всеми силами России».²⁸ «Вы, несомненно, сомневаетесь, дорогой князь, — писал Строганов Чарторижскому, — что этот переговорщик здесь оценен по справедливости. За исключением внимания общества и бесед на балах, очень мало о нем беспокоиться, и он также очень мало осведомлен о том, что происходит. <...> Вот так наш бедный кабинет постоянно все более идет к краху, и закончим мы тем, что станем силой, самое большее, второго порядка».²⁹ Строганов, так же как и его confident, считал Долгорукова виновником всех бед, а деятельность его — бесполезной, даже вредной. Но инициатива исходила не от Дол-

горукова: он лишь выполнял поручения Александра I, который совсем не собирался начинать столь желанную своим министрам войну с Пруссией и испытывал странную приязнь к этой державе.³⁰

Впрочем сам Долгоруков искренне верил в благотворность собственных действий. Он убеждал императора вскоре после Аустерлица: «Вы единственный среди государей Европы, кто своей властью и всеобщим доверием, которое внушает Ваш образ действий и Ваша решимость, может еще его (Наполеона — А. Г.) остановить; отбрасывая это основание и отказываясь спасти Европу, Вы заставляете его торжествовать. В настоящий момент Россию спасает лишь ее удаленность. Но, несмотря на меры самые решительные, которые Вы собираетесь взять, они весьма далеки от того, чтобы уверить в спокойствии Вашей империи; к Вашим границам, сир, вскоре будет перенесен театр войны. <...> Конечно, невозможно заставить других иметь суждения более возвышенные, чем они имеют, если все отказываются от Вас и падают ниц перед Бонапартом, Вам останется только хранить независимое положение Вашей империи, но так, чтобы была возможность еще спасти других, не пренебрегайте этим, сир; это самая надежная защита для Вас самого. Используйте Ваше влияние на Прусского короля, как ваши упреки, так и советы. Вы можете еще одержать победу в этом прекрасном деле, защитником которого Вы объявили себя в глазах всей Европы и которым Вы удостоились всеобщего поклонения, потому что самые последние невзгоды весьма далеки от того, чтобы уменьшаться, они только возрастают».³¹

В этих словах заключена целая концепция. Александр I должен был стать спасителем Европы. Не приходится сомневаться, что эта роль нравилась ему больше, нежели роль «арбитра» (*un arbitre*), предлагаемая Чарторижским и его окружением. Военному гению Наполеона должен был быть противопоставлен не арбитр Европы, поскольку на это место вполне претендовал сам Бонапарт, а мессия.³²

³⁰ См. об этом: Он же. Император Александр I. Т. 1. С. 46–49.

³¹ Цит. по: Он же. Князья Долгорукие... С. 32, 33.

³² Одна из идеологических моделей дискредитации Наполеона, разработка которой началась как раз в декабре 1806 г., — легенда о Наполеоне-лжемессии и Наполеоне-Антихристе (см., напр.: Мельникова Л. В. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007. С. 63, 64, 301; Казаков Н. И. Наполеон глазами его русских современников // Новая и новейшая история. 1970. № 3.

²⁷ Цит. по: Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов: Историческое исследование эпохи императора Александра I. СПб., 1903. Т. 2. С. 346.

²⁸ Цит. по: Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 233.

²⁹ Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов. С. 344, 345.

Вернувшись из Берлина в Петербург в феврале 1806 г., Долгоруков, по словам баварского поверенного Ольри, стал «более чем когда-нибудь сеятелем всякой вражды».³³ Трудно сказать, так ли это было на самом деле, однако император начал поручать князю новые дела вне Петербурга, как будто пытаясь удалить от двора. Вначале он был отправлен в молдавскую армию, находившуюся под командованием престарелого генерала от кавалерии И. И. Михельсона. В июле 1806 г. Долгоруков должен был прибыть туда «для показания некоторых навыков эволюций и построений, как благоугодно его императорскому величеству ввести в экзерцицию войск».³⁴ Это, конечно, было обусловлено все усложняющейся международной обстановкой вокруг восточного вопроса.³⁵

Следующее поручение императора оказалось более длительным и сложным: оно было связано с деятельностью разного рода — от дипломатической до квартирмейстерской. Миссия Долгорукова совпадала по времени с фактическим началом военного противостояния России с Османской империей, вызванного действиями французских агентов, склонявших Турцию к войне с Россией и обещавших ей решение всех ее внутренних противоречий.³⁶ Командуя передовым отрядом авангарда, Долгоруков имел приказ «маршем достигнуть до Ясс и занять место сие твердое».³⁷ В Яссах он должен был наладить связь с дипломатическим агентом, статским советником Константином Родофиникиным (впоследствии известным дипломатом и членом Государственного совета), «в рассуждении продовольствия войск... и... обстоятельств местных». «Поведение наше не токмо в рассуждении жителей молдавских и валахских,

но и в рассуждении самых турков должно быть дружественное», — писал Михельсон в инструкции Долгорукову. Однако в случае каких-либо действий со стороны турок Долгоруков должен был «отражать силу силой и действовать оружием». «Впрочем, — добавлял командующий, — какая нужна во время марша вашего во всем предосторожность, я нахожу за излишнее повторять здесь по известной мне ваш [его] сият[ельства] опытности».³⁸

Почти ежедневно Долгоруков посылал Михельсону рапорты о состоянии армии, часто сопровождая их личными письмами. Он подробно сообщал об обстоятельствах перехода через Прут и занятия Ясс, о настроениях местных жителей и о своих контактах с Родофиникиным. Как командира его очень беспокоило состояние кавалерии: он опасался того, чтобы из-за ненастной погоды «не разорили ее совершенно».³⁹ Усмотрев провокацию в появлении в окрестностях Ясс хотинского пашы с двумястами вооруженными людьми, Долгоруков направил ему письмо с уверениями в том, что 20 тысяч человек под его, Долгорукова, командованием «пришли, чтобы защищать страну и сохранить ее под властью законного государя, а не для того, чтобы завоевать».⁴⁰ Паше предлагалось также «с вашими вооруженными людьми отойти за Дунай и ждать приказов вашего государя, которые вам предпишут, я не усомнился бы, жить в мире с нами», в противном случае «всякое сопротивление с вашей стороны будет отбито силой».⁴¹ Эта ситуация потребовала от князя чисто дипломатических навыков: «Полагаю, что гораздо полезнее будет для нас отдалить начатие военных действий противу турок, доколе вся армия не соберется и не займет Молдавию и Валахию твердою ногою, притом, имея же в инструкции, данной мне от вашего высокопревосходительства, убежать неприятельские действия противу турок, пока они нас сами до того не понудят, послал я к означенному паше письмо, с коего копии при сем прилагаю»,⁴² — писал Долгоруков Михельсону.

Распространяемая на занимаемых территориях специальная прокламация гласила: «Император Александр, не находя другого средства вразумить султана и спасти его импе-

С. 38, 39; Дубровин Н. Ф. Наполеон в современном обществе и в русской литературе // Русский Вестник. 1895. Т. 237, № 4. С. 23–236; Т. 239, № 7. С. 84, 85; Наринский М. М. Наполеон в современной ему российской публицистике и литературе // История СССР. 1990. № 1. С. 130, 131). В соотнесении с метафорой «Александр — спаситель Европы» эта легенда создавала аллюзивную библейскую схему.

³³ Николай Михайлович, вел. кн. Князя Долгорукие... С. 34. Другой бюллетень, содержательно использующий первое донесение см.: Из донесений баварского поверенного в делах Ольри (Olry) в первые годы царствования (1802–1806) императора Александра I / пред. вел. кн. Николая Михайловича. Пг., 1917. С. 28.

³⁴ РГВИА. Ф. 14209. Оп. 5/165. Св. 10. Д. 81.

³⁵ См.: Гросул Г. С. Дунайские княжества в политике России (1774–1806). Кишинев, 1975. С. 127–144.

³⁶ См. об этом подробнее: Петров А. Н. Война России с Турцией 1806–1812: в 3 т. СПб., 1885. Т. 1. С. 26–52.

³⁷ РГВИА. Ф. 14209. Оп. 5/165. Св. 24. Д. 54. Л. 2–20б.

³⁸ Там же. Л. 3–30б.

³⁹ Там же. Л. 23.

⁴⁰ Там же. Л. 30–30 об. Оригинал на фр. яз.

⁴¹ Там же. Л. 30 об. Оригинал на фр. яз.

⁴² Там же. Л. 26.

рию от безграничного честолюбия Бонапарте, приказал части своей армии вступить в пределы Молдавии и Валахии, объявляя и обещая своим царским словом, что армия эта не совершит ни малейшего насилия или притеснения и возвратится в пределы России, как только его величество султан уволит тех из своих министров, которые по своей преданности Франции побудили его нарушить свои обязательства относительно России».⁴³ Действовать в этих условиях следовало крайне осторожно. Перед всеми командующими войсковыми соединениями стояла очень непростая задача — не спровоцировать турецкие войска и в то же время продемонстрировать военную силу.

Великий князь Николай Михайлович, анализируя «турецкое» поручение Долгорукова, утверждал, что «доверие императора Александра к нему было уже не то, что прежде, и начало колебаться», так как он был послан на юг, а не в армию Беннигсена, действовавшую против Наполеона.⁴⁴ С этим трудно согласиться, потому что после Аустерлицкого сражения именно вокруг Турции разворачивалась основная дипломатическая борьба России и Франции. Наполеон лелеял новую мечту — поссорив Россию с Портой, предложить последней свой протекторат и «провозгласить себя императором Востока».⁴⁵ Именно пограничные с Европой земли Оттоманской империи становились разменной монетой большой международной политики, восточный вопрос вставал со всей остротой.⁴⁶ Александр I лично контролировал не только действия молдавской армии, посылая Михельсону рескрипты,⁴⁷ но и, через генерал-адъютанта Христофора Ливена, действия Долгорукова, которого, кроме всего, снабжал деньгами.⁴⁸ Нельзя также согласиться и с тем, что причиной отзыва Долгорукова в Петербург, следовавшего уже 14 ноября 1806 г.,⁴⁹ стали жалобы Михельсона на «заносчивый характер князя».⁵⁰ Генерал искренне любил деятельного молодого человека и очень жалел, что тот должен оставить его армию. Он писал: «Не могу иначе как [нрб.] благодарить вас за ваше расположение ко мне, для меня лестное,

и не могу не признаться, сколь чувствительно для меня отсутствие ваше («отсутствие ваше» вписано над зачеркнутым «разлука с вами» — А. Г.), хотя и ласкаюсь, что это временно. Я теперь же посылаю курьера в Петербург с донесением Государю Императору, что не могу никак заменить вас, и потому решил удерживать вас до прибытия моего в Яссы».⁵¹

Князь Долгоруков с успехом выполнил все поручения и лишь тогда отправился в Петербург: в связи с предполагаемыми военными действиями против Наполеона в Европе император Александр хотел иметь своего генерал-адъютанта «под рукой». Но судьба распорядилась иначе: лихорадка, свирепствовавшая в молдавской армии,⁵² не пощадила молодого генерал-адъютанта. Он умер через несколько дней после возвращения в Петербург — 8 декабря 1806 г.

На следующий день, 9 декабря, Чарторижский подал императору Александру записку, в которой открыто предложил провозгласить Польшу королевством, предоставив ей широкую автономию. Традиционно документ этот трактуют как некий финальный жест отчаяния покинувшего пост министра.⁵³ Конечно, составлен он был заранее, однако сама дата его подачи императору не связана ли со смертью «друга Долгорукова»?

Князь Адам признавался в мемуарах, что в царствование Павла I его отношения с Долгоруковым были «очень добрыми».⁵⁴ Это как бы вскользь оброненное замечание весьма интересно. Придворная политика Павла I строилась совсем иначе, чем политика его «благословенного» сына, поэтому в его царствование конфликт Долгорукова с Чарторижским не имел ни почвы, ни смысла.

Взаимоотношения приближенных Александра Павловича вполне вписывались в схему, невольно охарактеризованную самим Петром Долгоруковым во фразе, адресованной своему оппоненту: «Вы рассуждаете, милостивый государь, как польский князь, а я рассуждаю, как русский».⁵⁵ В придворной политике императора это и было отражением противопоставления идей «космополитов» и «националистов».

⁴³ Цит. по: Петров А. Н. Указ. соч. С. 91.

⁴⁴ Николай Михайлович, вел. кн. Князя Долгорукие... С. 35.

⁴⁵ Петров А. Н. Указ. соч. С. 91.

⁴⁶ См.: Соловьев С. М. Указ. соч. С. 102–118.

⁴⁷ См.: Петров А. Н. Указ. соч. С. 64, 65.

⁴⁸ РГВИА. Ф. 14209. Оп. 5/165. Св. 24. Д. 54. Л. 110б.

⁴⁹ Там же. Л. 16.

⁵⁰ Николай Михайлович, вел. кн. Князя Долгорукие... С. 35.

⁵¹ РГВИА. Ф. 14209. Оп. 5/165. Св. 24. Д. 54. Л. 17.

⁵² Там же. Св. 5. Д. 14; Св. 8. Д. 41.

⁵³ См.: Минаева Н. В. Указ. соч. С. 153.

⁵⁴ Czartoryski A. Op. cit. P. 353.

⁵⁵ Николай Михайлович, вел. кн. Князя Долгорукие... С. 11.

Дело было совсем не в том, что Чарторижский был поляком, а в том, что его «польскость» в сочетании с постом министра иностранных дел и реформаторскими устремлениями его близких друзей вызвала противодействие кругов, осознававших себя сторонниками национальной русской идеи. Древнее же происхождение Долгорукова было не только мотиватором его собственного поведения, но и основанием для императора Александра определить его на место, которое он занял при дворе.

Придворная система в период царствования Александра I в конце концов стала вызывать разочарование у его «молодых друзей». Князь Адам говорил о своем назначении, что «это была одна из фантазий Александра, которой я в конце концов подчинился».⁵⁶ Граф Строганов разочарованно писал жене из Лондона в феврале 1806 г.: «Я люблю нашего дорогого императора так, как это только возможно делать, но я сожалел бы, если бы имел такой характер, как у него, который будет причиной того, что он никогда не сможет найти верных слуг и всегда будет добычей шарлатанов и жертвой интриг. Его слабость — причина нестабильности его системы». Строганов с негодованием писал о том, что система эта может привести к «еще большим бедствиям» и, чем быстрее Александр «погружается в подробности исполнения» своих «великих видов», «тем больше отклоняется каждый миг от дороги, которой надо было бы следовать, и оказывается, что результат не соответствует всему тому, что от него ожидали», а весь «стыд и позор» этих действий несут на себе те, кто «предназначены в уме императора лишь для того, чтобы быть слепыми орудиями его желаний».

Далее в словах Строганова сквозит уже совсем злая ирония: «Чтобы дополнить картину, нужно рассмотреть окружение императора и тех, кто имеет влияние на его разум. Их имена, просто перечисленные одно за другим, не требуют никакого пояснения, чтобы показать надвигающуюся опасность. Гофмаршал Николай Толстой, князь Петр Долгорукий, два Румянцевых, профессор Паррот, советник Сиверс, затем следуют темные интриганы, которые спутываются одни с другими, как звезды Млечного Пути, но не должны быть от этого менее учтены в общей системе, такие как Волконские, Уваровы, Ливены и проч., и проч.»⁵⁷

То, что Строганову казалось слабостью системы, на самом деле было основанием придворного бытия. То, что обиженным членам Негласного комитета представлялось ошибками их царственного друга, было замыслом большого спектакля, режиссером которого он выступал. Принцип «сравливания» приближенных был одним из главных принципов политики Александра I, позволявшим ему всегда находиться над схваткой, выступать арбитром в идеологических спорах подданных и в то же время оставаться в тени.

Вскоре актеры «высочайшего» действия окончательно сменились. Князь Адам подал в отставку в июле 1806 г., еще до «турецкой» миссии Долгорукова. Утратив влияние на императора, хотя и сохранив личное общение, он перестал играть при дворе былую роль. «Кочубей, кажется, положительно решил отсюда отправиться в марте месяце, но я не верю, что ему позволят ехать»,⁵⁸ — сообщала Софья Строганова мужу в Лондон в январе 1806 г. Виктор Кочубей покинул пост министра внутренних дел в ноябре 1807 г. по причине слишком заметной для послетильзитской России симпатии к Англии. Что касается находившегося в Лондоне Строганова, то он, поняв, что в Петербурге все изменилось и «друзья его сошли со сцены», принял решение покинуть гражданскую службу. Он ушел со всех высоких государственных постов еще раньше Кочубея, в марте 1807 г., и поступил в действующую армию, добровольно отказавшись, таким образом, от придворного влияния. «Император Александр лишился многообещающего дипломата, а обстоятельства удалили верного друга от ближайшего с ним общения», — отмечал с некоторой горечью биограф Строганова великий князь Николай Михайлович.⁵⁹ Александр из друзей своей юности, до отъезда в Вену в 1809 г., сохранил лишь Николая Новосильцова, однако и тот уже никогда более не пользовался прежним влиянием.

Придворная же структура царствования Александра I вскоре породила новых антагонистов — Алексея Аракчеева и Александра Голицына. Последний, будучи представителем древнего русского княжеского рода, по воле суверена возглавил «космополитов», пестуя идеи надконфессионального христианства. Аракчеев же, напротив, стал при дворе главой

⁵⁶ Цит. по: Он же. Император Александр I. Т. I. С. 42.

⁵⁷ Цит. по: Он же. Граф Павел Александрович Строганов. СПб., 1903. Т. 3. С. 199–201.

⁵⁸ Там же. С. 197.

⁵⁹ Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. С. 52.

тех, кто позиционировал себя как «консерваторы» или «русская партия».

Судьба Петра Долгорукова характерна для абсолютистского государства, где все зависит от воли одной личности. Наделенный способностями как дипломатическими, так и административными, равно как и беззаветной храбро-

стью и настойчивостью в достижении целей, он мог бы пополнить блестящую плеяду «генералов 1812 года» или отличиться деятельностью на самых высоких государственных постах. Но волею императора Александра I в условиях сложившейся в его царствование системы он остался для современников и потомков лишь «хлыщом» («freluquet»), надерзавшим Наполеону и виновным в трагедии Аустерлица.

Anastasia G. Gotovceva

Doctor of Philological Science, Russian State Humanitarian University (Russia, Moscow)

E-mail: brunhilda@yandex.ru

“RUSSIAN PRINCE” AT THE EMPEROR'S COURT:
PETER DOLGORUKOV AND ALEXANDER I

The article describes major facts from the biography of the Adjutant General Peter Petrovich Dolgorukov (junior): the circumstances which shaped his personality in his early youth, his diplomatic career, including his meeting Napoleon in 1805 right before the Battle of Austerlitz, his place and role at the court of Alexander I. Main attention is paid to Prince Dolgorukov's cold relations with the closest friends of the Emperor, members of the Private Committee, most obviously with Prince Adam Chartorizhsky. The author gives detailed reconstruction of the system of court relations created by the young Emperor during the first five years of his reign. The system was built on provoking collision of opposing views of the inner circle members, creation of 'court parties', the leaders of which during the period under study were Princes Dolgorukov and Chartorizhsky.

Key words: *P. P. Dolgorukiy, A. A. Chartorizhskiy, P. A. Stroganov, Alexander's I courtiers, «eternal peace», Battle of Austerlitz, Napoleon, Russia in the period of coalitions*

REFERENCES

- Alekseev M. P. *Pushkin: Sravnitelno-istoricheskie issledovaniya* [Pushkin: A comparative historical research]. Leningrad: Nauka Publ., 1972, pp. 160–207. (in Russ.).
- Berti J. *Italyanskie gosudarstva v period Risordzhimento* [Italian state during the Risorgimento]. Moscow: Izdatelstvo inostrannoy literatury Publ., 1959, 747 p. (in Russ.).
- Grosul G. S. *Dunayskie knyazhestva v politike Rossii (1774–1806)* [Danubian principalities in the policy of Russia (1774–1806)]. Kishinev: Shtiintsa Publ., 1975, 221 p. (in Russ.).
- Kazakov N. I. *Novaya i noveyshaya istoriya* (Modern and Current History Journal), 1970, № 3. pp. 31–47; № 4, pp. 42–52. (in Russ.).
- Kizevetter A. A. *Istoricheskie siluety* [Historical silhouettes]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 1997, 477 p. (in Russ.).
- Melnikova L. V. *Armiya i Pravoslavnaya Tserkov Rossiyskoy imperii v epokhu napoleonovskikh voyn* [The army and the Orthodox Church of the Russian Empire during the Napoleonic Wars]. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2007, 416 p. (in Russ.).
- Minaeva N. V. *Mirotvorchestvo v Rossii: Tserkov. Politiki. Mysliteli* [Peacemaking in the Russian Church. Policy. Thinkers]. Moscow: Nauka Publ., 2003, pp. 139–159. (in Russ.).
- Muravev V. B. *Moskovskie slova i slovechki* [Moscow words and phrases]. Moscow: Izograf Publ., 1997, 352 p. (in Russ.).
- Narinskiy M. M. *Istoriya SSSR* (History of the USSR), 1990, № 1, pp. 126–138. (in Russ.).